

ную полосу, свободную от войск, севернее 39 параллели. Последняя идея принадлежала Е.И. Алексееву⁸⁴. Наместник считал необходимым дать понять в жёстком тоне Стране восходящего солнца, что Россия станет защищать свои интересы в Маньчжурии любыми средствами, в том числе – и военными⁸⁵. Конечно, это была ошибочная позиция, так как она очевидно исходила из предположения, что Япония действует в одиночку и будущее Маньчжурии её не очень тревожит. Русский ответ японское руководство рассмотрело уже 22 сентября (5 октября), за этим последовало обсуждение разногласий в двух вариантах между Ю. Комурой и Р.Р. Розеном. Оптимизм Генро относительно исхода переговоров сильно уменьшился⁸⁶. Японцы постоянно торопили переговоры⁸⁷.

11.4. Второй раунд

За время ожидания японского ответа в российской политике произошли важные изменения. Чрезмерная твёрдость Е.И. Алексеева, оставлявшая совсем мало шансов на успех переговоров, встревожила Николая II. 22 сентября (т.е. сразу после отправки русского ответа в Токио) наместнику послали телеграмму с утверждением, что проникновение Японии в южную и центральную части Кореи только ослабит агрессора, а не явится поводом к началу войны: «в этом случае нам не следует горячиться, а напротив того, избегать всего, что могло бы вызвать столкновение»⁸⁸. Е.И. Алексеев же готовился атаковать японскую армию в случае её высадки на корейском берегу⁸⁹. Наместник полагал, что схватка неизбежна, поэтому лучше нанести удар первыми. Он уже отдал распоряжение готовить тихоокеанскую эскадру к покраске в боевой цвет⁹⁰. Однако в ответ на предложение Е.И. Алексеева объявить Японии войну царь настоял, чтобы В.Н. Ламздорф составил от его имени телеграмму в Порт-Артур в самых категорических выражениях: «не желаю», «не допущу» войны. Николай II подписал её, не смягчив резких фраз⁹¹. В конце октября самодер-

⁸⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 158–159.

⁸⁵ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 15 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.41 об.

⁸⁶ Okamoto Sh. Op. cit. P.97.

⁸⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 174–175.

⁸⁸ АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.205. Л.68.

⁸⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С. 93. Запись 14 октября 1903 г.; Документы по переговорам с Японией, хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. (На правах рукописи). [СПб., 1905]. С.19–23.

⁹⁰ Бок Б.И. Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.22–25.

⁹¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.93. Запись 14 октября 1903 г. В начале октября 1903 г. И.Я. Коростовец сообщил Е.И. Алексееву о повороте настроений в Петербурге в сторону умеренности, несмотря на отстранённость МИДа (Н.Г. Гартвиг

жец также запретил Е.И. Алексееву объявлять мобилизацию русской армии в регионе, оставив это право за собой, и разрешил В.Н. Ламздорфу вновь давать указания русским дипломатам на Дальнем Востоке⁹². После таких «успокоительных мер» наместник стал вести себя осторожнее и предупредительнее. Так, он был против возвращения русских войск в Мукден, которое произошло в середине октября 1903 г. помимо его желания⁹³. По-видимому, за возобновлением оккупации стоял А.Н. Куропаткин, который 15 (28) октября 1903 г. вновь представил записку с предложением присоединить Северную Маньчжурию⁹⁴. Инициативу министра не приняли, на сей раз он получил выговор от царя за предыдущие действия военных: «В Маньчжурии не могло быть восстановлено спокойствие, ибо мы сами систематически тому мешали. Мы уничтожили китайскую власть, не устроив свою. Вместо политики дружеской, основанной на доверии, мы возбудили полное недоверие к нам – не только в китайцах, но во всех европейцах. Попросту мы с самого начала военных действий тайно имели в виду захватить Маньчжурию – так вели дело все наши большие и малые военачальники. Мы всё время кривили душою. Сам военный министр в заседаниях заявлял, что нам выгодно, чтобы в Маньчжурии были смуты, ибо в таком случае мы оттуда не выйдем»⁹⁵. Высочайшая отповедь не повлияла на взгляды военного министра, который и дальше выступал за присоединение Северной Маньчжурии. Но эта линия не стала доминирующей в российской политике. Николай II, несмотря на симпатии безобразовцам и Е.И. Алексееву, не разделял полностью ни одной точки зрения. Неизменным оставалось только его стремление сохранить мир и избежать военного конфликта.

В японском ответе, представленном Р.Р. Розену 18 (31) октября 1903 г., российские предложения в основном отвергались⁹⁶. В Токио соглашались

был «сильно смущён» и «раздражён», а чиновники ограничивались чтением газет) (И.Я. Коростовец – Е.И. Алексееву 5 октября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.74–75).

⁹² Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.95–96.

⁹³ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 171. Ввод войск стал следствием отказа цзянь-цзюня выполнить ультиматум комиссара М.Ф. Квецинского, требовавшего уволить даотая Юаня и др. и распустить часть милиции.

⁹⁴ Записка А.Н. Куропаткина «По маньчжурскому вопросу» 15 (28) октября 1903 г. с пометами Николая II // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.124–146.

⁹⁵ Помета Николая II на записке А.Н. Куропаткина «По маньчжурскому вопросу» 15 (28) октября 1903 г. // Там же. Л.126.

⁹⁶ Статья 2. Вставить фразу «включая военную помощь» между словами «помощь» и «Корею». Заменить слово «гражданский» словом «внутренний».

Статья 3. Вставить слова «развитию» между «мешать» и «торговых». Заменить слово «предприятия» словом «деятельность», слово «принимаемым» словами «имеющим быть принятыми», «их» – словами «этих интересов».

признать «специальные права» России в Маньчжурии, отказавшись от своих «специальных интересов». Взамен Петербургу следовало принять неограниченное доминирование Страны восходящего солнца в Корее, за это за российскими подданными обещали сохранить права по уже имеющимся договорам относительно поселений и торговли. Единственной реальной уступкой явилось обязательство не укреплять берега Корейского залива⁹⁷. Диспропорция возможностей и прав России в Маньчжурии и Японии в Корее сохранялась. Несмотря на то, что шаг навстречу России был весьма незначителен, тем не менее, позиция Токио в общем давала некоторые основания полагать, что Япония не станет стоять насмерть за Маньчжурию и интересы иностранцев там, а может ограничиться только своими желаниями⁹⁸. Данное обстоятельство сохраняло надежды на продолжение переговоров. Однако Петербург не обратил на это внимание, а сосредоточился на том, как избежать принятия на себя любых обязательств, касающихся Маньчжурии⁹⁹. Вероятно, такое решение оказалось ошибочным.

Несмотря на отрицательный итог первого раунда и явно различавшиеся желания сторон, Николай II предписал продолжать переговоры «и установить примирительную формулу для соглашения, отнюдь не отказываясь от дальнейших наших требований»¹⁰⁰. Непонятно, как можно было реализовать цар-

Статья 4. Признание права Японии посылать войска в Корею с целью, упомянутой в предыдущей статье, или с целью усмирения восстания или беспорядков, рассчитанных на создание международных осложнений.

Статья 6. Взаимное обязательство установить на корейско-маньчжурской границе нейтральную полосу, простирающуюся на ... километров по обе стороны, в каковую нейтральную полосу ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск без согласия другой.

Статья 7-ая должна быть исключена и заменена следующими тремя статьями:

7. Обязательство со стороны России уважать державные права и территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии и не вступаться в торговую свободу Японии в Маньчжурии.

8. Признание Япониею специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны этих интересов, лишь бы такие меры не нарушали условий предыдущей статьи.

9. Взаимное обязательство не мешать соединению Корейской железной дороги с Восточно-Китайскою железной дорогой, если эти дороги будут со временем продолжены до Ялу.

Статья 8-ая русских встречных предложений должна быть названа 10-ой (телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 16 октября 1903 г. // Японская Белая книга... С.191–192).

⁹⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.175–176.

⁹⁸ Романов Б.А. Очерки... С.244–245.

⁹⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.178.

¹⁰⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 25 октября (7 ноября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.10.

ское указание. Впрочем, Е.И. Алексеев и не прилагал к этому усилий, считая невозможной замену формулировок и отстаивая лишь собственную установку: исключить Маньчжурию из соглашения¹⁰¹. Активность в переговорах исходила в основном от Р.Р. Розена. В октябре 1903 г. посланник забеспокоился, уловив ухудшение отношения японских верхов к переговорам с Россией¹⁰². Важно то, что с этого момента наблюдается заметное расхождение позиций в связке Розен–Алексеев: если посланник в Токио продолжал искать приемлемые формулировки соглашения, то его патрон в Порт-Артуре, кажется, совсем отказался от этого.

Для России самым неприемлемым пунктом казалась увязка корейского и маньчжурского вопросов: её войска уже несколько лет находились в Маньчжурии, тогда как японских в Корее ещё не было. Р.Р. Розен предложил искать другой выход: полную замену формулировок. Например, на взаимный отказ от Маньчжурии и Кореи как не входящих в сферы интересов сторон¹⁰³. Несмотря на то, что в Токио отвергли ст.7 русских предложений (Маньчжурия находится вне сферы японских интересов), Р.Р. Розен полагал, что японцы колеблются и что размен Кореи на Маньчжурию является для них соблазнительным¹⁰⁴. Идея выглядела заманчивой, но было непонятно, что могло заставить Японию отказаться от Маньчжурии. Проблема заключалась не столько в самой Маньчжурии, сколько в том, что в Токио искали в борьбе за права иностранцев там оправдание и поддержку своим требованиям в Корее. Предложение Р.Р. Розена означало, что гарантом корейских возможностей Японии выступила бы Россия. Это в большей степени являлось взглядами российского дипломата, чем его японских визави. Другое суждение Р.Р. Розена выглядело более обоснованным. Полагая, что Япония не согласится сохранить ст.7 (признание Маньчжурии вне сферы интересов Токио), он считал недопустимым просто убрать её (даст шанс Японии опять поднять маньчжурский вопрос и, главное, приравняет положение России в Маньчжурии к японскому в Корее). Министр иностранных дел не вполне соглашался с Р.Р. Розеном, но пока он сконцентрировал усилия на борьбе с заместителем.

Предел допустимых для себя уступок Е.И. Алексеев сообщил В.Н. Ламздорфу в начале ноября 1903 г.: Маньчжурия – вне интересов Японии, Токио можно предоставить свободу действий в Корее, но сохраняя, как минимум,

---

¹⁰¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.178.

¹⁰² Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 12 (25) октября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.174.

¹⁰³ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 26 ноября (9 декабря) 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.67–68.

¹⁰⁴ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 14 (27) октября 1903 г. // Там же. Л.16.

50-вёрстную нейтральную полосу на границе с Маньчжурией (то есть, бассейн р. Ялу). «Дальнейшие изменения» наместник считал «вряд ли возможными»¹⁰⁵. После получения предложений из Порт-Артура министр иностранных дел сразу заявил Николаю II, что новый проект Е.И. Алексеева имеет мало шансов на одобрение его японцами¹⁰⁶. В.Н. Ламздорф воспользовался твёрдолобостью наместника, обвинив его в стремлении сорвать переговоры. По мнению министра иностранных дел, адмирал добивался «бессрочного продления военной оккупации Маньчжурии», надеясь напугать этим японцев и сделать их более сговорчивыми. Когда же стало ясно, что такая политика не приносит успеха, он начал откровенно тянуть время, чтобы лучше подготовиться к войне¹⁰⁷. Министр же на первое место поставил необходимость решить вопрос о Маньчжурии: либо присоединять, либо возвращать Китаю. Как это ни парадоксально, но, скорее всего, такая определённая действительно могла бы благотворно повлиять на ход переговоров.

В.Н. Ламздорф вообще начал действовать более энергично. Он наконец предпринял попытку объясниться с Лондоном: 22 ноября А.К. Бенкендорф имел встречу в британской столице с Ч. Хардингом, на которой затронул широкий круг вопросов (Китай, Персия, Афганистан). Российский посол уверял своего собеседника, что в Маньчжурии русские интересы должны превалировать и одновременно просил не настаивать на немедленном выводе войск оттуда из-за сложности ситуации в Петербурге (два мнения относительно дальнейшего образа действий). Пока же А.К. Бенкендорф обещал вывести войска из Нючжуана и открыть маньчжурские порты для иностранцев. Однако его собеседник настаивал на признании принципа «открытых дверей»¹⁰⁸. Позиция Англии к этому времени по сравнению с концом XIX века уже изменилась – от желания поделить сферы влияния в Китае, когда Лондон испытывал затруднения, до требования равенства, когда он вышел победителем из англо-бурской войны и воспрял духом.

Монарху следовало выбрать между более гибкой и уступчивой позицией В.Н. Ламздорфа, нацеленной на достижение соглашения, и твёрдой Е.И. Алексеева, оставляющей мало шансов на удовлетворение японских амбиций. Николай II принял типичное для себя решение: продолжать переговоры «спокойно,

¹⁰⁵ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 5 (18) ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.134. Л.23.

¹⁰⁶ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 8 (21) ноября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.56–57.

¹⁰⁷ Черновик всеподданнейшей записки В.Н. Ламздорфа 11 (24) ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.189. Л.46–48; её окончательный текст – РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.43–45; Симанский П.Н. Указ. соч. С.186.

¹⁰⁸ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 22 ноября 1903 г. // British Documents on the Origins of the War 1898–1914. Vol.IV. L., 1929. P.184–185.

но настойчиво», не делая существенных уступок¹⁰⁹. Тем не менее, самодержец сам вычеркнул ст.7 русских предложений, заявив, что вопрос не касается Кореи¹¹⁰. Это расходилось с мнением Е.И. Алексеева, зато Николай II однозначно поддержал его в требовании нейтральной полосы в Корее¹¹¹. Адмиралу пришлось принять царскую позицию, это означало, что уже не только наместник диктовал содержание русских ответов.

В утешение самодержец поручил «хозяину Дальнего Востока» подготовить редакцию статьи о нейтральной зоне¹¹². В тактике ведения переговоров со стороны России это явилось новым и означало, что разработка ответа с этого момента ведётся по частям, сепаратно друг от друга, и их готовят люди, по разному относящиеся к самой идее соглашения. Кроме того, 23 ноября (6 декабря) Николай II в ответ на многочисленные запросы японского посланника в Петербурге распорядился передать ему контрпредложения России, минуя Р.Р. Розена, отвергнув таким образом алексеевскую тактику затягивания переговоров (разумеется, официальный ответ России был доставлен в Токио через барона 28 ноября (11 декабря))¹¹³. Центр обсуждения и формулировки российской позиции незаметно переместился в Петербург. Это также означало, что влияние наместника на ход русско-японских переговоров уменьшалось.

Однако содержание русского ответа 28 ноября (11 декабря) ещё было пронизано духом Е.И. Алексеева¹¹⁴. Россия вновь развела маньчжурский и корей-

¹⁰⁹ В.Н. Ламздорф – Николаю II 19 ноября (2 декабря) 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.57.

¹¹⁰ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 26 ноября (9 декабря) 1903 г. с резолюцией Николая II // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.44. В пользу твёрдой позиции говорило также неважное финансовое положение Японии. По сообщению Н.А. Распопова, которое наверняка подтверждалось и из других источников, японские бумаги колебались на лондонской бирже до 4–5 фунтов стерлингов за день из-за угрозы войны с Россией. Поэтому Токио предпринимал серьёзные усилия, чтобы развеять такие опасения (Н.А. Распопов – Э.Д. Плеске 10 (23) октября 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.169. Л.88–89). Это свидетельствовало и о том, что у Японии есть объективные резоны стремиться к успеху переговоров с Россией. В Петербурге не могли не учитывать это обстоятельство, по-видимому, даже переоценивали его влияние.

¹¹¹ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 26 ноября (9 декабря) 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.65.

¹¹² В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 25 ноября (8 декабря) 1903 г. // Там же. Л.64.

¹¹³ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 23 ноября (6 декабря) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.12.

¹¹⁴ 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии помогать Корее советами в видах улучшения гражданского управления.

3. Обязательство со стороны России не оказывать противодействия развитию промышленной и торговой деятельности Японии в Корее, ни же принятию мер для охраны этих интересов.

ский вопросы, оставив в проекте соглашения только Корею. Убрав ограничения на ввод японских войск в королевство и согласившись на соединение железных дорог, Петербург из спорных моментов оставил лишь требование нейтральной зоны севернее 39 параллели¹¹⁵. В результате к декабрю казалось, что корейский вопрос стоит уже на пороге разрешения. Токио как будто склонялся к принятию русских предложений. Ш. Курино сообщил в Петербурге английским дипломатам, что оба правительства в принципе договорились даже о нейтральной зоне в Корее¹¹⁶. Совсем иное можно сказать про маньчжурскую проблему – там стороны практически не приблизились к пониманию.

Во время подготовки второго русского ответа напомнить о себе решил А.Н. Куропаткин. 23 ноября (6 декабря) 1903 г. он опять предложил «безотлагательно присоединить Северную Маньчжурию к России», для чего, по мнению военного министра, следовало поступиться Квантуном и Южно-Маньчжурской железной дорогой¹¹⁷. Его поддержал С.Ю. Витте, который, по свидетельству А.Н. Куропаткина, уже не только признал неизбежность присоединения к России Северной Маньчжурии, но и брался убедить в случае необходимости в этом В.Н. Ламздорфа, а также продать Южно-Маньчжурскую железную дорогу за 250 млн. руб. (чего не сделаешь ради возвращения к власти)¹¹⁸. Однако содействие С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфа не имело важного значения для судьбы записки. Более существенным оказа-

---

4. Признание Россией права Японии посылать войска в Корею с целью, упомянутой в предшествующей статье, или с целью подавления восстания или беспорядков, способных создать международные осложнения.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на корейском побережье никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать территорию Кореи к северу от 39-ой параллели за нейтральную полосу, в пределы коей ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск.

7. Взаимное обязательство не мешать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, когда эти железные дороги будут продолжены до Ялу.

8. Отмена всех прежних соглашений между Россией и Японией относительно Кореи (Ю. Комура – Ш. Курино 12 декабря 1903 г. // Японская Белая книга... С.209).

¹¹⁵ Симанский П.Н. Указ. соч. С.182–183.

¹¹⁶ С. Спринг Райс – Г. Лэнсдоуну 25 ноября 1903 г. // PRO FO. 65/1662. P.210. Имелось в виду японское предложение установить нейтральную зону на границе по 50 километров с каждой стороны.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.183. Л.120–132. Записка А.Н. Куропаткина изложена в книге: Витте С.Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерала Куропаткина о войне с Японией. М., 1911. С.82–83.

¹¹⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.95, 109, 113. Его предложение ещё раз уязвляло политику России в Корее и Маньчжурии, против чего так возражал Е.И. Алексеев.

лось согласие В.К. Плеве поддержать военного министра в том, что России следует ограничиться Северной Маньчжурией. Покровительствовавший до этого безобразовцам и Е.И. Алексееву, министр внутренних дел в ноябре 1903 г. забеспокоился, он признался А.Н. Куропаткину, что не понимает, «куда мы идём»¹¹⁹. В изображении А.Н. Куропаткина это походило внешне на воссоздание прежнего триумvirата и сочувствие ему В.К. Плеве. Однако эти меры не могли повлиять на ход русско-японских переговоров. Отказ от Квантуна не имел никакого значения: арендный договор России никем не подвергался сомнению и не служил поводом к войне. Да и действовал военный министр не в такт событиям: 23 ноября (6 декабря) русский ответ был уже готов, так что он со своей запиской явно опоздал. Кроме того, позиция А.Н. Куропаткина более показательна для характеристики его личной роли: сановник, активно участвуя во всех обсуждениях, тем не менее, выпадал из общей ситуации, а его предложение слабо коррелировалось с сутью русско-японской дискуссии. Согласие же нескольких влиятельных фигур поддержать даже такую записку А.Н. Куропаткина, пусть и по разным причинам, в первую очередь отразило растущее в Петербурге недовольство политикой безобразовцев и Е.И. Алексеева.

11.5. Третий раунд

Очевидно, что не упорство Е.И. Алексеева, а подвижки в позиции России сыграли положительную роль в ходе переговоров. Российский проект обсуждался Генро 3 (16) и 4 (17) декабря 1903 г. В полученном 9 (22) декабря ответе Япония в сущности согласилась не увязывать корейский и маньчжурский вопросы¹²⁰. По большому счёту, главным моментом, неприемлемым для Петербурга, оставалось требование Токио исключить из предполагаемого договора статью о нейтральной зоне.

После этого российское руководство впало в продолжительные размышления. Е.И. Алексеев в ответ вновь заявил о недопустимости любых уступок и повторил свой излюбленный тезис: пусть Япония действует в Корее без

¹¹⁹ Там же. С.100. Запись 7 ноября 1903 г.

120 а) Статью 2-ую читать: “Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать Корее советы и помощь в видах улучшения управления Корейской империи”.

в) Статью 5-ую читать: “Взаимное обязательство не предпринимать на корейском побережье никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе”.

с) Статью 6-ую исключить (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 21 декабря 1903 г. // Японская Белая книга... С.211). В содержащей ответ вербальной ноте японцы просили вернуться к маньчжурскому вопросу, но, похоже, удовлетворительное решение по Корее могло окончательно снять эту проблему.